

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-129-140>
УДК 93/94

УЧАСТИЕ НАЧАЛЬНИКА АСТРАБАДСКОЙ МОРСКОЙ СТАНЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПЕРСИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

И.А. Федорик

*Воронежский государственный
аграрный университет имени императора Петра I,
ул. Мичурина, 1, Воронеж, 394087, Россия*

Аннотация

Введение. В статье исследуется деятельность начальника Астрабадской морской станции на о. Ашур-Адэ как ключевого агента военно-политической разведки России в Персии в сер. XIX – нач. XX вв. **Материалы и методы.** Для исследования были привлечены различные исторические методы. Основу исследования составил комплексный анализ ранее не публиковавшихся документов из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), впервые вводимых в научный оборот. Использование проблемно-хронологического метода позволило реконструировать эволюцию статуса, функций и практической деятельности начальника станции в контексте меняющейся региональной политики. **Результаты.** В статье на основе архивных материалов доказывается, что, формально оставаясь флотским офицером, начальник станции выполнял гибридный комплекс функций, включавший военно-политическую и экономическую разведку, ведение дипломатических переговоров с персидскими властями и туркменскими лидерами, административное управление и полицейский надзор в регионе. Показано, что стратегическое значение станции последовательно возрастало в периоды обострения «Большой игры», русских среднеазиатских походов и революционных событий в Иране. **Заключение.** Проведенное исследование позволяет заключить, что Астрабадская морская станция являлась уникальным гибридным институтом имперского управления на границе, чья деятельность обеспечивала реализацию военно-политических и экономических интересов России на юго-восточном побережье Каспия. Роль ее начальника выходила далеко за рамки флотской службы, превращая его в ключевую фигуру российской политики в Персии. Ликвидация станции после 1917 года стала символом завершения эпохи имперского присутствия в регионе.

Ключевые слова: Астрабадская морская станция, о. Ашур-Адэ, Российская империя, Персия, Каспийская флотилия, «Большая игра», военная разведка, гибридный институт управления, туркменские племена, русско-персидские отношения.

Для цитирования: Федорик И.А. (2026). Участие начальника Астрабадской морской станции в реализации военно-политических интересов России в Персии (вторая половина XIX – начало XX вв. // История: факты и символы. № 1 (46). С. 129-140 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-129-140>

Статья поступила: 10.09.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Федорик И., 2026

**THE ACTIVITY OF THE HEAD OF THE ASTARABAD NAVAL STATION
IN THE IMPLEMENTATION OF RUSSIA'S MILITARY-POLITICAL INTERESTS IN
PERSIA (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

I.A. Fedorik

*Voronezh State Agrarian University
named after Emperor Peter I,
1 Michurina St., Voronezh, 394087, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines the specifics of the activities of the head of the Astarabad naval station on Ashur-Ada Island as a key agent of Russia's military-political intelligence in Persia in the mid-19th to early 20th centuries. **Materials and methods.** Various historical methods were used for the study. The research is based on a comprehensive analysis of previously unpublished documents from the collections of the Russian State Archive of the Navy (RSAVMF), introduced into scholarly circulation for the first time. The use of the problem-chronological method made it possible to reconstruct the evolution of the status, functions, and practical activities of the station head within the context of changing regional policy. **Results.** Drawing on archival materials, the article demonstrates that, while formally a naval officer, the station head performed a hybrid set of functions encompassing military and economic intelligence, diplomatic negotiations with Persian authorities and Turkmen leaders, administrative management, and police supervision in the region. It is shown that the strategic significance of the station grew consistently during periods of heightened tensions in the "Great Game," Russian campaigns in Central Asia, revolutionary events in Iran. **Conclusion.** The study concludes that the Astarabad naval station was a unique hybrid institution of imperial border governance, whose activities secured the advancement of Russia's military-political and economic interests on the southeastern coast of the Caspian Sea. The role of its head extended far beyond naval duties, establishing him as a pivotal figure in Russian policy in Persia. The station's liquidation after 1917 marked the end of an era of imperial presence in the region.

Keywords: Astarabad naval station, Ashur-Ada Island, Russian Empire, Persia, Caspian Flotilla, "Great Game," military intelligence, hybrid management institution, Turkmen tribes, Russian-Persian relations

For citation: Fedorik I.A. (2026). The activity of the head of the Astarabad naval station in the implementation of Russia's military-political interests in Persia (second half of the 19th – early 20th centuries) in *History: facts and symbols*, 1 (46), 129-140. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-129-140

Received: 10.09.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

© Fedorik I., 2026

1. Введение

Проникновение Российской империи в Персию (Иран) и Среднюю Азию в XIX веке было сопряжено не только с сухопутными кампаниями, но и с необходимостью утверждения влияния на Каспийском море. Одним из ключевых направлений становления военно-морской разведки России в Персии стало юго-восточное, «туркменское» направление в районе Астрабадского залива. Слабость персидской власти, конфликты с туркменскими племенами, угрожавшие безопасности судоходства, и активность британских агентов создавали прямую угрозу российским интересам и обусловили необходимость постоянного военно-политического присутствия. Одной из ключевых проблем региона оставалась нестабильность в прикаспийских областях Персии, вызванная конфликтами между персидскими властями и туркменскими пле-

менами. Ответом на этот вызов стало создание в 1842 году Астрабадской морской станции на острове Ашур-Адэ (также встречаются варианты написания Ашур-Аде, Ашурада, Ашур-Ада, Ашураде). Данная статья исследует историю этой станции как сложного, гибридного института, чьи функции далеко выходили за рамки простого военного поста и эволюционировали в соответствии с логикой «Большой игры» и стратегическими задачами империи.

2. Материалы и методы

Методологической основой исследования является проблемно-хронологический подход, позволяющий последовательно анализировать трансформацию задач, функций и статуса Астрабадской станции на протяжении более семи десятилетий. Основным источником для работы послужили документы фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), в которых содержатся рапорты начальников станции, их переписка с российским посланником в Тегеране, командирами портов, а также донесения разведывательного и экономического характера¹. Эти материалы позволяют реконструировать повседневную деятельность станции и оценить самостоятельность ее руководителей. Для понимания стратегического контекста привлечены военно-статистические очерки и исследования современников событий, таких как Л.К. Артамонов, А.М. Золотарев, К.Н. Петриченко [1; 4; 8]. Труды современных историков Л.М. Кулагиной и Н.К. Тер-Оганова [6; 7; 12] помогают вписать деятельность станции в общую картину российско-персидских отношений и разведывательной работы на Кавказе и в Иране.

3. Результаты

Одной из центральных задач Российской империи в XIX веке было проникновение в Среднюю Азию и, в том числе, налаживание торговых связей с многочисленными туркменскими племенами. Контроль над этим своенравным народом был болезненной темой для персидского шахства, которое изначально считало туркмен своими подданными [9, с. 31]. Неоднократно Персия выступала с карательными отрядами к неповинуящимся туркменам, те нещадно мстили, совершая набеги на персидские поселения Астрабадской и Мазендаранской провинций. Персия жаловалась России, что не может пресечь разбои прибрежных племен из-за невозможности иметь военный флот на Каспии. Кроме того, жалобы Персии в конце 30-х годов XIX века были направлены и на российских рыбопромышленников, якобы снабжающих туркмен средствами для разбоев. Ввиду этого у персидских берегов в районе Астрабадского залива, который был давно под пристальным влиянием Российского правительства, было принято решение об устройстве крейсерства. В 1842 г. по разрешению Персии в заливе была обустроена военная морская станция у острова Ашур-Адэ, но фактически, еще в период базирования Каспийской флотилии на о.Сара, под официальным предлогом наблюдения за действиями рыбопромышленников Россия усилила военное присутствие у персидских берегов. В следующие годы крейсерство обеспечивало безопасность не только персам, но и русским торговцам от разбойнических нападений туркмен². После экспедиции капитана 1-го ранга Путятина туркмены поутихли, в последующие годы контроль за торговыми отношениями и политическими наблюдениями ложился на плечи начальника Астрабадской морской станции, который непрерывно вел кропотливую работу, докладывая о своих действиях руководству по нескольким направлениям³. В первое время начальник станции состоял в должности командующего отрядом судов в Астрабадском заливе и направлял рапорты российскому посланнику в Тегеране,

¹ Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 2. Оп.1. Д. 171; Там же. Ф. 251. Оп. 1. Д. 370; Там же. Ф. 256. Оп. 2. Д. 411; Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1221; Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1417; Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4772; Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 427; Там же. Ф. 283, Оп. 3, Д. 1775; Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6192; Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131; Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 6268; Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3811; Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4152; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1377; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2948; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3227; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3952; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3997; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4207; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4472.

² Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1417.

³ Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1221.

копии – командиру Астраханского порта (после переноса военного порта в Баку – начальнику Бактинского порта)¹. В 1874 году, после основания Закаспийского военного отдела, гибридный статус начальника Астрабадской морской станции был официально подтвержден в ходе заседания особого комитета: по всем вопросам, касающимся управления заатреками туркменами начальник действует по указаниям начальника Закаспийского военного отдела; по делам, касающимся отношений прибрежных туркмен к персидским подданным других частей Персии, и вообще по всем предметам, касающимся интересов Персии, начальник станции остается в подчинении посланнику в Тегеране; независимо от поименованных обязанностей, начальник Астрабадской станции должен представить через командира Бакинского порта главнокомандующему Кавказской армией донесение о положении дел в юго-восточном прибрежье Каспийского моря [9, с. 170 – 172].

Функции Астрабадской морской станции носили комплексный характер, что было обусловлено стратегическим положением в зоне пересечения российских, персидских и туркменских интересов, а именно:

- обеспечение безопасности и контроль над акваторией, морской полицейский надзор и карательные экспедиции;

- военно-политическое присутствие и административные функции;

- сбор разведывательной информации и ресурсные исследования;

- контроль над торговыми отношениями.

Таким образом, Астрабадская станция сочетала в себе черты военной базы, дипломатической миссии, разведывательного пункта и исследовательской станции.

Первоначальная задача Астрабадского отряда ограничивалась крейсерством у берегов Персии и Туркмении. Однако архивные документы показывают, что его функции включали в себя также экономическую и ресурсную разведку. Начальник станции сообщал о перспективных месторождениях, организовывал сбор и отправку в Россию образцов каменного угля², серы³ и различных пород древесины, произрастающих в пределах Персии⁴, для испытания их качества и промышленного потенциала.

В 40-х годах XIX века, когда русские только прощупывали торговые пути с туркменами, на начальника станции были возложены обязанности по организации торговой фактории в районе селения Гязь. Остается удивляться дипломатической образованности и невероятной изобретательности, проявленной, к примеру, начальником станции Воеводским в 1847 году, о действиях которого писал в журнале «Морской сборник» К. Петриченко – будущий начальник Астрабадской станции спустя десятки лет. Петриченко с талантом непревзойденного писателя рассказывает об интересном эпизоде, произведенном Воеводским для нейтрализации персидских провокаций: при охране Гязской фактории караульные однажды позабыли убрать фальконет; персидские власти немедленно обвинили Россию в придании торговому посту «военного характера», что грозило серьезным дипломатическим скандалом. Воеводский, действуя через посланника, представил орудие как «деревянную модель» [8, с. 308]. Этот эпизод демонстрирует, что российские представители были готовы к подобным конфликтам и действовали в духе тонкой политической игры, где быстрота реакции и «легенда» значили не меньше, чем военная сила.

Налаживание российских торговых связей с туркменами настолько беспокоило Персию, что каджарские власти Астрабадской и Мазендаранской провинций всячески пытались вести (зачастую с помощью английских агентов) антирусские подстрекательства среди туркмен. Вмешательство российского посланника в Персии заставляло персов идти на уступки, но нена-

¹ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1775.

² Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1221.

³ Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1417.

⁴ Там же. Ф. 256. Оп. 2. Д. 411.

долго. В 1851 году произошло нападение туркмен на Ашур-Адэ, в связи с чем в Астрабадский залив прибыл капитан 1-го ранга Н.К. Краббе для расследования всех вопросов¹. По документам дела и отчету начальника станции капитана-лейтенанта Вендриха мы видим, в каких сложных условиях приходилось работать, контролируя (путем выдачи билетов, например) торговые отношения туркмен и персов². Начальник Астрабадской станции регулярно писал рапорты, но в связи с неотлагательностью многих вопросов ему приходилось самостоятельно принимать решения, действуя по собственной инициативе. Так, в деле о нападении на Ашур-Адэ Вендрих сообщает, что туркмены действовали с попечительства губернатора Мазендарана принца Мегди Кули, который не только покровительствовал туркменам, но и всячески награждал старейшин, восставших против русского отряда³. Вендрих также докладывает о причине своих действий в ответ на жалобу правителя Мазендарана против монопольной торговли нефтью и солью туркмена Кадыр-Мухаммед-хана (Ниязов)⁴. «Монополия» была инициативой начальника станции, поскольку он, после нападения туркмен на русские суда, воспретил всем туркменским лодкам посещать берега Мазендарана, кроме лодок Кадыр-Мухаммед-хана (Ниязов), поскольку тот оставался верен российскому отряду⁵.

Вполне возможно, что после этого начальнику дается «зеленый свет» в проведении карательных экспедиций. В 1858 году за отказ туркмен выдать русских пленных, захваченных на коммерческих судах, начальник станции капитан-лейтенант Лихарев во главе вооруженного отряда на двух пароходах провел операцию по уничтожению туркменского аула⁶.

В период «Большой игры» одной из важнейших задач Астрабадской станции было наблюдение за англичанами в Персии. Недовольные успехами России на среднеазиатской арене, англичане отправляли своих агентов в туркменские степи для подстрекательства старейшин против русских. Английские агенты пробирались через Персию; по большей части персы не только были в курсе, но и помогали англичанам достигать цели. В Персии за англичанами в Астрабаде и Мазендаране следил и российский консул, получавший сведения из разных источников и направлявший их начальнику Астрабадской станции с дальнейшими инструкциями. Небезызвестный консул Ч. Ф. Макензи в период пребывания в Гилянской и Мазендаранской провинции в 1859 году намеревался пробраться к туркменам «для неблагоприятных российским видам сношений». В своем письме российский консул в Астрабаде В. Гусев отмечает, что использует всяческие меры, чтобы воспрепятствовать данной поездке, но мало рассчитывает на содействие шахских властей⁷.

К 70-м годам XIX века в связи с переброской российских войск по среднеазиатскому театру торговля персов в Красноводском заливе шла с разрешения начальника Астрабадской станции. В 1869 году капитан 2-го ранга Петриченко запретил торговлю в этом районе из-за находящихся в заливе военных кораблей, «чтобы не было слухов и власти Астрабада ничего не узнали» [9, с. 26]. Кроме того, Петриченко активно участвовал в разработке «особых операций» по привлечению старейшин приморских туркмен. В 1871 году он «перехватил» некоего Ильгельды, который намеревался направиться с подарком к хивинскому хану, и заручился его согласием на оказание помощи в подготовке конного отряда подполковника Маркозова (назначенного вместо Столетова на должность начальника Красноводского отряда) во время рекогносцировки. Доподлинно неизвестно, был ли этот шаг причиной ареста десяти туркменских старейшин персидскими властями в Астрабаде. Петриченко, докладывая о данном деле, понимал все последствия и принял самостоятельное решение о поездке в Астрабад под предлогом

¹ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131.

² Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131. Л.1.

³ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131. Л.17.

⁴ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131. Л.14.

⁵ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131. Л.14.

⁶ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 427. Лл. 5 – 8.

⁷ Там же. Ф. 251. Оп. 1. Д. 370.

нанести визит консулу, где он вступил в частный разговор с губернатором в защиту арестованных туркмен [9, с. 59 – 60].

В разгар завоевательных операций в Средней Азии наблюдение за туркменскими племенами, а также за астрабадскими властями велось непрерывно. По документам мы видим, как из года в год рапорты начальника станции выявляют как туркменские [9, с. 48 – 49, 52 – 53], так и персидские угрозы. В 1876 году, уже после образования Закаспийского военного отдела, рапорт начальника Астрабадской станции капитана 1-го ранга Зайкина показывает, насколько хитро действовали туркмены против персов, используя своих же «сородичей» из других племен. Докладывая российскому посланнику о жестоком обращении каджарских властей во время военного похода в туркменские степи, Зайкин сообщает о намерении туркмен-яралийцев отобрать у приморских туркмен куласы, чтобы совершать грабежи по берегам Астрабадского залива [9, с. 237 – 239].

После подписания Конвенции 1881 года, определившей российско-персидскую границу, Астрабадская станция не потеряла смысла, более того, в новых условиях начальнику прибавилось проблем в связи с тем, что перекочевки туркменских племен (йомудов) являлись источником конфликтов между Персией и Россией [7, с. 64]. После установления границ Россия лишилась рычагов давления на туркмен, находившихся на персидской стороне. Зачастую персидские власти использовали туркмен в качестве инструмента против российских интересов, укрывая, например, преступников, о чем в своих донесениях докладывает начальник станции. Так, в одном из рапортов за 1884 год капитан 2-го ранга Канин пишет о невозможности исполнять морской надзор и приводит пример укрывательства астрабадскими властями туркмена по делу подполковника Щербины, преданного суду за растрату денег. Главным виновником оказался туркмен, обворовавший Щербину¹. Более ценные сведения содержатся в размышлениях Канина о возможной персидской опасности в случае закрытия станции и ухода русского флота из Астрабадского залива. В последнее время, пишет он, активно развивается туркменская рыболовная «флотилия», кроме того, при использовании туркменами канала «Бургун» Астрабадская станция не сможет контролировать племена ввиду скрытого положения этого канала. Туркменские лодки вполне могли бы стать будущей персидской армадой (300-400 лодок)². Канин понимает, что любые плавсредства могут быть милитаризованы. Его фраза о «будущей персидской армаде, так необходимой нам самим» звучит как горькая ирония.

Нелегко приходилось Канину в тот же период при участии в конфликтах между персидскими властями и туркменами. В рапорте за тот же год он сообщает, что запретил каренджикам ходить в Мазендаран из-за задержания туркменских лодок неким ферикинарцем Ага-Гассан-Кули, действующим под покровительством персидских властей. Канин, зная, что в Мазендаране есть агент российского консульства, шифровал управляющему сообщение и послал канонерскую лодку «Секира» с лейтенантом Николаевым, который при выяснении обстоятельств, помимо прочего, допросил агента общества «Кавказ и Меркурий»³.

Довольно болезненно персидские власти реагируют на действия Астрабадской станции при попытках осуществления полицейского надзора в туркменских аулах. Капитан Эсмонт в 1883 году пишет объяснительную в связи с официальной жалобой персидского посланника на отправку вооруженного отряда для взыскания с туркменского старейшины долга в 700 туманов. Не вникая в подробности дела, отметим сообщение Эсмонта о том, что и ранее сами персы просили помощи во взыскании с туркмен долгов, однако жалоб не было. Эсмонт оперирует категориями фактического права и сложившейся практики, тогда как реакция Министерства ино-

¹ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6192. Л. 5.

² Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6192. Л. 6.

³ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6192. Лл. 17 – 19.

странных дел России однозначна: «подобные поступки наших властей не могут повлиять на сохранение дружественных отношений с Персией»¹.

За персидскими территориями продолжается наблюдение, о чем, например, говорит дело за 1882-1883 годы «О предполагаемой постройке персидским правительством двух фортов в Энзели». Несмотря на то, что опасения не подтвердились, из дела мы видим, что благодаря поручению командира Бакинского порта «по собранным многочисленным сведениям» постройка фортов оказалась лишь предположением².

Деятельность начальника станции протекала в условиях постоянного противодействия. Как следует из рапорта капитана 2-го ранга Стронского от 1896 года, даже официальный визит к персидским властям мог сопровождаться неожиданным нападением со стороны персов. Официально направляясь на церемонию в честь восшествия на престол Николая II, Стронский параллельно решал оперативные задачи, следуя через туркменскую степь для сбора сведений. Вооруженное нападение персов на его группу вблизи персидской деревни и последующая имитация расследования местными властями красноречиво свидетельствовали о враждебности окружения и попустительстве персидской администрации³.

В 80-х годах XIX века в России активно разрабатывались военные театры на Каспии, в том числе Хорасанский, Азербайджанский и район вблизи Астрабада. Курс Николаевской Академии генерального штаба 1888 года А. М. Золотарева подробно останавливается на разборе каждого региона в «Военно-статистическом очерке Персии» [4]. Остров Ашур-Адэ с русской морской станцией ясно обозначается как стратегический пункт, приближенный к Тегерану. В то же время Л. К. Артамонов в 1889 году подчеркивал необходимость самого серьезного отношения к Персии как к потенциальному военному противнику [12, с. 120]. В 1891-1892 годах Артамонов командирован в Персию для военно-статистического исследования Астрабада и Северного Хорасана, в связи с чем он получил «весьма секретную» инструкцию на рекогносцировку Астрабадского залива с целью высадки десанта. Артамонов координирует свои действия с Астрабадской станцией, причем начальник станции капитан 2-го ранга Медведев действует не по шаблону, а проявляет инициативу, «безотлагательно» подготовив пароход «Чикишляр» для проведения рекогносцировки [1, с. 4]. Высадка русского офицера с казаками стала совершенной неожиданностью для местных властей и, что особенно важно, для английского консула. Астрабадская станция позволяла осуществлять скрытную высадку и перемещение разведывательных групп в обход традиционных дипломатических каналов, что было критически важно в условиях «Большой игры».

Список начальников Астрабадской станции второй половины XIX века представлен в таблице 1.

Таблица 1. Список начальников Астрабадской станции во второй половине XIX века

Table 1. List of Station Masters of the Astraabad Station in the Second Half of the XIX Century

Годы службы	Начальник станции
1843-1845	Дюгамель Михаил Иосифович, капитан-лейтенант
1845-1848	Воеводский Аркадий Васильевич, капитан-лейтенант
1849-1852	Вендрих Людвиг Павлович, капитан-лейтенант
1852-1855	Свинкин Иван Иосифович, капитан-лейтенант
1855-1859	Лихарев Иван Алексеевич, капитан-лейтенант

¹ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3811.

² Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4152.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1377.

1859-1861	Рудаков Александр Ильич, капитан 1-го ранга
1861-1863	Майдель Григорий Густавович, капитан 2-го ранга
1863-1866	Ратьков-Рожнов Алексей Александрович, капитан-лейтенант
1866-1869	Ухтомский Леонид Алексеевич, князь, капитан-лейтенант
1869-1874	Петриченко Кирилл Никифорович, капитан 2-го ранга
1874 - 1879	Зайкин Порфирий Михайлович, капитан 1-го ранга
1879-1882	Эсмонт Александр Самойлович, капитан 1-го ранга
1882-1885	Канин Павел Васильевич, капитан 2-го ранга
1885-1887	Григорков Константин Антонович, капитан 2-го ранга
1887-1892	Возможно, Бутаков Федор Михайлович, капитан-лейтенант
1892-1895	Стронский И.И., капитан 2-го ранга
1895-1897	Клеопин, капитан 2-го ранга
1897-1899	Пороменский, капитан 2-го ранга
1899-1902	Киселев, капитан 2-го ранга

Начало XX века принесло российской политике в Персии новые вызовы: внутренняя угроза, вызванная Революцией 1905 года, и внешняя дестабилизация из-за революционных событий в Иране (1905–1911 гг.). В этих условиях военно-морская деятельность была вынуждена переориентироваться на защиту российских подданных и противодействие растущему влиянию Англии. Немаловажную роль в решении этих задач сыграла Астрабадская морская станция, которая не только сохранила свое значение, но и многократно усилила работу по ключевым направлениям.

В 1905 году поступили секретные сведения о строительстве британцами мортирных батарей в Герате для их последующей переброски на Каспий. В качестве вероятного места для скрытной сборки десантных средств рассматривалось устье реки Гюрген. Морское ведомство, несмотря на сомнения, разработало план контрмер, для чего начальнику станции предписывалось провести срочный промер глубин в устье Гюргена и усилить надзор за побережьем¹. Главный морской штаб, признавая угрозу тайной переброски англичанами военных судов на Каспий, констатировал ключевую роль Астрабадской станции для удержания русского влияния, одновременно отмечая ее плачевное инфраструктурное состояние и несоответствие корабельного состава новым задачам². В 1909 году была разработана инструкция начальнику Астрабадской станции, которая подвела нормативную базу под ее многогранную деятельность. Документ закрепил статус начальника станции и расширил его полномочия. Таким образом, «Инструкция 1909 года» стала прямым следствием стратегического пересмотра роли Каспия и официальной основой для деятельности станции как ключевого форпоста России в Персии в начале XX века³.

Значимость Астрабадской станции возросла в период революционных событий в Персии. Анархия, вызванная беспорядками в персидских городах, требовала от России усиления военного присутствия, в том числе для охраны и успокоения рабочих. 1 апреля 1909 года командир портового судна «Красноводск» Судовиков рапортует, что по приказу начальника Астрабадской станции направился к речке Кара-су для восстановления спокойствия на рыбной ватаге из-за убийства персидского подданного. Флотскому экипажу было поручено разобраться в этом деле и найти виновных. Возмущение персов из-за убийства соплеменника было столь велико, что на русских судах никто не спал, ожидая нападения персов, поскольку те предупредили: «за то, что вы не дали нам расправиться с пленным армянином, мы будем теперь стрелять

¹ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2948. Л. 8.

² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3227.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3952.

по вашим солдатам, как только привезут нам винтовки из Бендер-Гязь»¹. В том же рапорте согласно секретному предписанию начальника Астрабадской станции о направлении «Красноводска» к порту Энзели, Судовиков сообщает о революционном настроении в городе².

Проблемы с персидскими туркменами заставляли начальника станции действовать, как и ранее жестко – путем личного разбирательства и десантных вылазок. В июле 1909 года из-за убийства казака, капитан 2-го ранга Кондогури, действуя по соглашению с консулом в Астрабаде, произвел карательную экспедицию после тщетных поисков убийцы. Из миноносца «Пылкий», судя по рапорту³, было произведено два выстрела, однако персы по-своему обставили данный случай, телеграфировав в английскую газету историю о бомбардировке персидского города. Российская газета «Биржевые ведомости» №11794 с отсылкой на английский источник сообщила, между прочим, что персидский город (не указывается какой) был почти полностью разрушен русским адмиралом, командующим Каспийской флотилией по жалобе Лианозова об аресте персидских подданных, с которыми у него вышел спор⁴.

Этот скандальный случай совпал по времени с политическим кризисом в Персии – свержением персидской власти в июле 1909 года. В 1911 году свергнутый Мохаммед-Али Шах вернулся в Персию. Согласно телеграмме Иванова в Тегеран, бывший шах начал активный сбор войска с привлечением туркменов [10, с. 7]. То, что туркмены были против действующего правительства, подтверждается рапортом начальника Астрабадской станции от октября 1910 о том, что явившиеся к нему туркменские ханы просили разрешить провести морем вооруженный конный отряд туркмен в Мазендаран в селение Шакели для соединения с другим отрядом. Кондогури ответил уклончиво, делая акцент на невмешательстве станции во внутренние дела Персии. Однако в то же время он снялся с якоря и отправился в Бендер-Гязь для посылки телеграммы российскому посланнику в Тегеране. В ответ он получил приказ не пропускать вооруженный отряд ввиду обязательства российского правительства нести военно-полицейскую службу в этом районе моря⁵.

Не все вступающие в должность руководители Астрабадской станции понимали ее функции, а также обязанности самого начальника, несмотря на «Инструкцию 1909 года». Сменив Кондогури, командир канонерской лодки «Ардаган» капитан 2 ранга Вейнер в августе 1912 года недоумеает в своем рапорте: «Мне совершенно неясно, почему функции политического свойства, а также носящие чисто административный характер и являющиеся всецело деятельностью консула и консульского агента в Бендер-Гязе, стали деятельностью начальника Астрабадской морской станции»⁶.

На протяжении первых десятилетий XX века Астрабадская морская станция сохраняла ключевые функции несмотря на то, что ее деятельность протекала в условиях хронического недофинансирования: с 1905 года в рапортах начальников нарастает критика плачевного состояния инфраструктуры и бытовых условий поселенцев на Ашур-Адэ. В заметках адмирала Бирилева за 1913 год мы видим отражение всей запущенности станции: «Если бы я не был русским и случайно не попал бы на Ашур-Адэ, то считал бы Россию самой дикой страной на земном шаре»⁷. Кроме того, он отмечает опасность упразднения станции, так как это в первую очередь дало бы Персии право отказаться от обязательства не иметь военных судов на Каспии, ввиду отсутствия сильного российского флота. От адмирала не ускользает и английская угроза: он напоминает о намерении англичан на случай войны привести в Персидский залив разборные миноносцы, вьюками доставить их к Энзели, там собрать и пустить на Каспий. Бирилев пишет:

¹ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3952. Лл. 99 – 100.

² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3952. Лл. 101 – 102.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3997. Лл. 120 – 121.

⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3997. Лл. 111, 128.

⁵ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3997. Л. 198.

⁶ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4207. Лл. 211 – 215.

⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 171. Л. 25.

«Я познакомился с проектом из самого достоверного источника - от самого автора, который, в веселый час, показал мне его совершенно разработанным»¹.

Во время Первой мировой войны «туркменские проблемы» сохраняются [7, с. 189]. Начальник Астрабадской станции и командир судна «Астрабад» капитан 1-го ранга Кондогури 1 сентября 1915 года в своем рапорте морскому министру сообщил о доставке российского консула в г. Астрабаде сначала в Бендер-Гязь, а затем в селение Кара-Су с просьбой прислать военное судно вследствие секретного сообщения, что среди степных туркмен идут тайные переговоры к какому-то выступлению². Там же Кондогури заявляет, что без военного судна при неожиданных неприятных событиях, ему будет трудно, почти невозможно справиться.

Осенью 1915 года российское влияние в Персии находилось в удручающем положении вследствие усиления политики Германии. Основные действия Каспийского флота переносятся в сторону Энзели и Астары³. Но значение Астрабадской морской станции не ослабевает, ввиду чего в ноябре 1915 года на Ашур-Адэ строится радиотелеграфная станция для постоянной связи с Бакинским портом.

Несмотря на сближение России и Англии в Первой мировой войне в 1915 году соотношение сил складывалось не в пользу союзников. К началу 1917 года территория Персии была почти полностью оккупирована иностранными войсками, в том числе германо-турецкими [6, с. 194].

Коренные изменения политической системы России в 1917 году не могли не оказать дезорганизующего воздействия на все структуры военно-морского флота [3, с. 14], включая отдаленные морские станции, каковой являлась станция на Ашур-Адэ, чье существование, тесно связанное с имперской внешней политикой и логикой «Большой игры», потеряло смысл в новых исторических условиях. Фактическое упразднение станции стало частью общего процесса демонтажа прежних институтов власти и знаменовало собой завершение целой эпохи в истории российского присутствия на северном побережье Каспия.

4. Заключение.

Астрабадская морская станция на о. Ашур-Адэ во второй половине XIX – начале XX века играла ключевую роль в реализации военно-политических и экономических интересов Российской империи в Персии. Ее функционал не был статичным и последовательно расширялся, и адаптировался в ответ на вызовы времени: будь то среднеазиатские походы России, революционные потрясения в Персии или задачи, поставленные Первой мировой войной. Ее начальник, формально оставаясь флотским офицером, фактически выполнял функции военного, дипломатического, разведывательного и административного агента. В условиях «Большой игры» и сложной региональной обстановки станция стала гибридным институтом, сочетавшим контроль над акваторией, сбор разведанных на персидской территории, ведение переговоров с туркменскими старейшинами, карательные операции и экономическое регулирование. Несмотря на хроническое недофинансирование, изменение политической обстановки и растущее влияние капиталистических держав, станция сохраняла стратегическое значение вплоть до революционных событий 1917 года. Ее ликвидация стала своеобразным символом завершения эпохи имперского влияния России на персидских берегах.

¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 171. Л. 31.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 171. Лл. 90 – 91.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4472.

Список источников и литературы

1. Артамонов, Л. К. (1897). *Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и северный Хоросан: Военно-статистическое исследование*. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 206 с.
2. Веселаго, Ф. Ф. (1907). *Общий морской список от основания флота до 1917 г.* СПб.: Типография Морского министерства, 696 с.
3. Малевинская, М. Е. (2018). *Елагинские чтения. Выпуск IX*. СПб: РГАВМФ, 142 с.
4. Золотарев, А. М. (1888). *Военно-статистический очерк Персии* СПб: типо-лит. А. Е. Ландау, 207 с.
5. Кадырбаев, А. Ш. (2015). *Россия на Каспийском море, в Персии и Средней Азии 1857-1911* // Восточный архив. № 1 (31). С. 4-11.
6. Кулагина, Л. М. (2010). *Россия и Иран (XIX - начало XX века)*. Москва: Ключ-С, 272 с.
7. Кулагина, Л. М., Дунаева, Е.В. (2007). *Россия и Иран: история формирования границ*. Москва: Гуманитарий, 184 с.
8. Петриченко, К. Н. (1863). *Астрабадская станция и влияние ее на развитие края*. // Морской сборник. Т. 69. № 12. С. 285-314.
9. Ильясов, А. (1960). *Присоединение Туркмении к России: сборник архивных документов*. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР, 823 с.
10. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Выпуск VII (с 1 июля по 31 декабря 1911 г.) (1911). СПб.: Государственная типография, 437 с.
11. Сефербеков, Р. И. (2022). *Каспийская флотилия: становление и развитие, прошлое и настоящее* // Вестник Дагестанского государственного университета. Т. 37, № 2. С. 37-56.
12. Тер-Оганов, Н. К. (2015). *Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870-1918): к истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского военного округа в Турции и Иране (1870-1918)*. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 308 с.

References

1. Artamonov, L. K. (1897). *Poezdka v Persiyu, Astrabad-Shahrudskii raion i severnyi Khorosan* [Trip to Persia, Astrabad-Shahrud Region and Northern Khorasan]. Tiflis, Tipografiya kantselyarii Glavno nachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze. (in Russian).
2. Veselago, F. F. (1907). *Obshchii morskoi spisok ot osnovaniya flota do 1917 g* [General Naval List from the Foundation of the Fleet until 1917]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. (in Russian).
3. Malevinskaya, M. E. (2018). *Elaginskie, chteniya. Vyp. IX* [Elagin Readings. Vol. IX]. St. Petersburg, RSAVMF. (in Russian).
4. Zolotarev, A. M. (1888). *Voенно-statisticheskii ocherk Persii* [Military-Statistical Sketch of Persia]. St. Petersburg, Tipo-lit. A. E. Landau. (in Russian).
5. Kadyrbaev, A. Sh. (2015). *Rossiia na Kaspiiskom more, v Persii i Srednei Azii. 1857-1911* [Russia on the Caspian Sea, in Persia and Central Asia. 1857-1911] in *Vostochnyi arkhiv*, 1 (31), 4-11. (in Russian).
6. Kulagina, L.M. (2010). *Rossiia i Iran (XIX - nachalo XX veka)* [Russia and Iran (19th - early 20th century)]. Moscow, Klyuch-S. (in Russian).
7. Kulagina, L.M., Dunaeva, E. V. (2007). *Rossiia i Iran: istoriya formirovaniya granits* [Russia and Iran: History of Border Formation]. Moscow, Gumanitariy. (in Russian).
8. Petrichenko, K. N. (1863). *Astrabadskaya stantsiya i vliyanie ee na razvitie kraya* [Astrabad Station and its Influence on the Development of the Region]. *Morskoy sbornik*, 69, 12. (in Russian).

9. Пыасов, А. (1960). *Prisoedinenie Turkmenii k Rossii: sbornik arkhivnykh dokumentov* [The Annexation of Turkmenistan to Russia: Collection of Archival Documents]. Ashkhabad, Izdatel'stvo AN Turkmenskoi SSR. (in Russian).

10. *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov, kasayushchikhsya sobytii v Persii. Vypusk VII* [Diplomatic Documents Concerning Events in Persia. Issue VII]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, (1911). (in Russian).

11. Seferbekov, R. I. (2022). *Kaspiiskaya flotiliya: stanovlenie i razvitie, proshloe i nastoyashchee* [Caspian Flotilla: Formation and Development, Past and Present]. in *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 37, 2, 37-56. (in Russian).

12. Ter-Oganov, N. K. (2015). *Iz istorii razvedki ShKVO v Turtsii i Irane (1870-1918): k istorii razvedyvatel'noi deyatel'nosti neglasnykh voennykh agentov Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga v Turtsii i Irane (1870-1918)* [From the History of Intelligence of the Caucasian Military District Headquarters in Turkey and Iran (1870-1918): Towards the History of Intelligence Activities of Covert Military Agents.]. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing. (in Germany).